

“У старых грехов длинные тени. Прошлое не умирает никогда”.

ДОМИНИК
СИЛЬВЕН

ТЕНИ И СОЛНЦЕ

MASTERDETECTIVE

CoRPvS

ЛОЛА ЖОСТ И ИНГРИД ДИЗЕЛЬ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПОСЛЕ “ГРЯЗНОЙ ВОЙНЫ”

Master Detective

Доминик Сильвен

Тени и солнце

«Corpus (ACT)»

2016

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Сильвен Д.

Тени и солнце / Д. Сильвен — «Corpus (АСТ)»,
2016 — (Master Detective)

Мастер детективной интриги Доминик Сильвен больше десяти лет не расстается со своими любимыми персонажами – экс-комиссаром полиции Лолой Жост и взбалмошной стриптизершей Ингрид Дизель. Популярность писательницы растет вместе с популярностью ее героинь. Два романа этого цикла уже перенесены на телеэкран, книги переведены на десять языков, а их создательница удостоена престижных наград, в числе которых знаменитая “Чернильная кровь” и Гран-при читательниц журнала Elle. Роман “Тени и солнце” написан по следам предыдущей книги Сильвен “Грязная война”, признанной редакцией авторитетного журнала Lire лучшим детективом 2011 года. Шеф парижской уголовной полиции Арно Марс найден мертвым в Абиджане. Из его дома исчезли тайные дневники арестованного адвоката, где тот фиксировал все сделки по торговле оружием. По подозрению в убийстве Марса взят под стражу его помощник, майор Саша Дюген. Лола Жост и бывшая подруга Дюгена Ингрид затевают собственное расследование, чтобы доказать его невиновность. Вскоре обе понимают, что и за ними кто то ведет охоту.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Сильвен Д., 2016
© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Доминик Сильвен

Тени и солнце

Dominique Sylvain
Shadows and Sun (2016)

© Éditions Viviane Hamy, Paris 2014
© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
Издательство CORPUS ®

* * *

*Сокровище на свете разве есть
Ценней, чем незапятнанная честь¹.*

У. Шекспир
Ричард II

27 ноября 1998 года, пятница

Их лица словно размыло дождем. Жеральдина различала лишь силуэты вдоль дороги. Их было много под взбесившимся небом, друзей и совершенно незнакомых людей. Невзирая на холод, они махали, провожая неспешно ползущую вереницу черных микроавтобусов.

Мама и Камилла молчали, прижавшись друг к другу, побежденные усталостью. Другие пассажиры смотрели в пустоту. Жеральдине казалось, что она одна чудом выжила после нашествия зомби. Через неделю ей исполнится четырнадцать, пальто стало тесновато и коротко: за последнее время она выросла на восемь сантиметров. Папа бы оценил.

Она не могла плакать. Не могла с самого начала, когда по радио сообщили о катастрофе, когда к ним домой явились чиновники. Еще одно усилие – и она сбросит свою слабость, как старое пальто.

В зеркале заднего вида она встретилась взглядом с человеком, которому поручили вести автобус, и прочитала его мысли. *Я тоже работаю в “Аэроликсе”. Мне повезло не оказаться в неподходящем месте в неподходящее время. Моей семье не пришлось все это пережить.*

“Аэроликс”. Предприятие, которое кормит целый регион.

И убивает. Как на этот раз.

Впереди ехали жандармы. Как при такой малой скорости у них не заваливаются мотоциклы? Да еще на дороге, превратившейся в реку?

Прибытие на аэродром. Мотоциклисты встали. Водители припарковали микроавтобусы. Родственники раскрыли зонты, выстроились вереницей.

– Какой холод! – проговорила Жеральдина, обращаясь к сестре.

Камилла не ответила, только еще крепче обняла мать. Вид у обеих был потерянный, из приоткрытых губ вырывались облачка пара. Жеральдина посмотрела на транспортный самолет, по которому хлестали струи дождя. Должно быть, на нем доставили тела из Дамаска.

¹ Перевод М. Донского. (Здесь и далее – прим. перев.)

За металлическим ограждением толклись журналисты. Висели микрофоны на длинных шестах, такие странные. Они словно пытались поймать на крючок стоны и рыдания. Напрасно. Толпа быстро скрылась в ангаре.

Родственники остановились в смятении, увидев гробы.

Торжественное построение. Флаг на каждом гробу. И кучка замерзших, переминающихся с ноги на ногу людей. Персонал “Аэроликса”, медики, военные. Официальные лица.

Раздался вдовий вопль, и поток вырвался на волю. Родственники зарыдали. Мама и Камилла тоже. Жеральдина до крови закусила палец, чтобы шлюзы наконец открылись. Все напрасно. Как назло, еще пальто сдавило грудь – не вздохнуть.

Кто-то сделал было шаг из толпы, чтобы выступить в роли проводника, но нет, не нужно, родственники должны сами найти своих, и Жеральдина первая двинулась вперед. К гробам были прикреплены медные таблички. Ни одного незнакомого имени. Она не сразу нашла то, которое искала.

Папа лежал там, в гробу, под трехцветным флагом. Нужно смириться с этой мыслью прямо сейчас, немедленно. Смириться, иначе будет поздно. И придется провести всю жизнь в параллельном мире. Как зомби, между двумя мирами.

Синий – боль. Белый – смерть. Красный – кровь. Вроде детской считалочки, а звучит паршиво. Вот он, папа, и надо с ним поговорить, понятно, он ее не услышит, с самого начала понятно, как понятно и то, что поговорить с ним – единственный способ удержаться здесь и не уплыть в тот мир, откуда нет возврата.

Ты воспитал в нас уважение к вере других людей и убежденность в том, что смерть – это последние врата. “Убежденность” – да, ты произносил именно это слово. Где ты теперь? Эй, ответь мне. Не могу поверить, что все кончено. Ты меня слышишь?

Военный музыкант заиграл на трубе. А Жеральдина – вот незадача! – едва удержалась от смеха. Тем временем толпа превратилась в единое существо, издававшее едва слышное бормотание. Причиной тому был мужчина с худым благородным лицом. Поль Борель. Президент Республики.

Я его видела только по телевизору. Ты ведь тоже, папа?

Низенький очкарик в большом зеленом шарфе, с мокрой от дождя физиономией, постукал ладонью по микрофону. Его шарф был размером с плед: вот хитрюга, знает, как не замерзнуть без пальто. Он подал главе государства какой-то документ и отступил, скрывшись в его тени. Борель набрал в грудь воздуха, словно собрался бежать стометровку, и начал говорить. Его голос перекрывал барабанную дробь дождя. Борель напоминал Юпитера. Жеральдина представила себе, как он потрясает двумя молниями, зажатыми в правой руке. Белыми мерцающими молниями.

Борель, отец нации.

А ты был... нет, ты по-прежнему мой отец и отец Камиллы. И муж Сандры. Как хочется в последний раз услышать твой голос! Эй, ты меня слышишь?

– Это одно из самых кровавых покушений на жизнь наших соотечественников за последние годы. Ужасное преступление, которое не останется безнаказанным. Я обещаю вам: виновные будут арестованы, переданы в руки правосудия и должным образом наказаны. Терроризм – бич нашего времени, с ним нужно бороться решительно и упорно. Правительство и я сам готовы вести этот бой. Мы никогда не забудем тех, кто ушел от вас – кто ушел от нас...

Как он чудесно убаюкивает, этот магический голос. Голос верховного божества. Неудивительно, что Борель – первый из первых. Жеральдина вспомнила великих людей из учебников истории. Они родились с волшебным даром обольщения, так почему бы этим не воспользоваться?

Когда речь закончилась, подошел офицер, чтобы помочь президенту во время церемонии вручения наград. В программе – ордена Почетного легиона посмертно. Помощник держал большой пакет с кучей маленьких бумажек – шпаргалок, чтобы не запутаться в именах погибших. Именах восемнадцати инженеров и техников, отдавших жизнь за Францию.

Папа, ты же самый скромный человек на свете. Этот хренов Почетный легион, разве он в твоём стиле? Ну, серьезно!

По десять секунд на каждую семью. Президент быстро продвигался по списку. Элегантный, как аристократ, приветливый, он пожимал руки. Помощник запустил руку в пакет, вытащил бумажку с папиным именем.

Момент настал.

Момент, о котором, может быть, придется сожалеть всю жизнь. Пора выбросить в помойку старое пальто – свою слабость. Время пришло.

– Нет, спасибо, господин президент...

– Что, мадемуазель?..

– Папе не нужна ваша медаль!

Мама и Камилла обернулись. Ее крик их словно расколдовал. Жеральдина положила руку на плечо матери. Боковым зрением заметила: все задержались, наверное, Юпитер с помощником собрались дать деру. Жеральдина улыбнулась. И расплакалась. Мама с Камиллой тоже.

Они что-то говорили друг другу, толком не слыша, потому что дождь, яростный, сильный, неугомонный, стучал по железной крыше. Этот грохот – добрая весть. Он означает, что дождь – на их стороне, сейчас и до конца. Это придавало сил.

Посмотри на меня, папа. Вот ты удивишься!

Глава 1

14 января 2013 года, понедельник

День норовил превратиться в ночь. Белесовато-серый с самого утра, грязно-серый до тех пор, пока не наступало время укладываться спать. Надо бы зажечь свет, включить радио, подумать о проблемах планетарного масштаба, съесть что-нибудь другое, а не эти ракушки с ветчиной. Ей нравилось слушать шум дождя, попивая портвейн. Водопад за окном – это так чудесно!

Зазвонил домофон.

– Лола Жост?

– Не исключено.

– Капитан Филипп Арди, ГИС. Мне нужно с вами поговорить.

Генеральная инспекция служб, полиция внутри полиции. Все годы службы она старалась держаться подальше от этих инквизиторов, так зачем теперь он явился тянуть из нее душу? Капля любопытства перевесила усталость, и Лола, нажав на кнопку,пустила незваного гостя.

Сонную лестницу разбудили решительные шаги. Появился забавный тип, похожий на ирландца, светлоглазый, рыжеватый. Полицейский, надзирающий за полицейскими. Все козыри у него на руках.

Он оставил зонтик на площадке, вошел, заметил пазл на столе. Христос-Искупитель простирает руки над заливом в Рио.

– Гора Корковаду.

– Она самая.

– Сколько фрагментов?

– Очень много. Сын подарил.

– Вы, наверно, догадываетесь, почему я здесь.

– Даже не пытаюсь.

– Вы не слушали новости?

– Вообще ничего не слушала, держу мозги под паром.

– То есть?

– Говорите сразу, зачем пришли, а не то времени уйдет больше, чем на этот чертов пазл.

– Нашли труп Арно Марса².

Сердце бешено заколотилось. Будто какой-то придурак столкнул ее с вышки для прыжков в воду. Арди принес ей стакан воды и открыл окно. Рассказал, что дивизионный комиссар был обнаружен с пулей в голове в Кот-д'Ивуаре. На стройке в пригороде Абиджана. Шеф уголовной полиции, вернее его скелет, на плоской крыше еще не заселенного дома. Личность установили только благодаря серийному номеру на часах и сотрудничеству местной полиции с французским посольством. Анализ ДНК только что подтвердил: это действительно он.

– А вы-то какое отношение имеете к этому делу?

– Когда дивизионный комиссар подался в бега, мне поручили вести расследование. И теперь, когда нашли его труп, я по-прежнему всем рулю.

– Если бы вы, как говорите, всем рулили, то упекли бы комиссара, не дожидаясь, пока его шлепнут.

Он проглотил обидный упрек, глазом не моргнув. Полимерный полисмен.

– Вы общались с Арно Марсом. Вас ведь познакомил майор Саша Дюген, так?

² См. роман Д. Сильвен «Грязная война».

Марс. Обаятельный безумец. Да, она входила в узкий круг тех, кому комиссар доверял. Тем не менее послал к черту, как и других, как самого близкого к нему офицера Саша Дюгена, как и всю свою команду. Комиссар отомстил, прежде чем сбежать – как оказалось, в Абиджан.

Марс. Гений сыска. Сумасшедший гений.

– Ришар Грасьен уже сказал все в последнем слове. Чего вы от меня-то хотите, Арди?

– Грасьен уже не первый месяц в тюрьме.

– Сидя за решеткой, можно заказать кого угодно. Прошлым летом тот же самый Грасьен заплатил двум негодьям, чтобы они убили мою лучшую подругу прямо посреди Парижа. Просто потому, что она встречалась с Дюгеном. Грасьен к тому времени уже отдыхал на нарах.

В тот день на бульваре Сен-Мишель был убит самый молодой офицер из группы Дюгена – Себастьян Менар. Непростительная ошибка.

– Сколько лет было Менару? Вы хоть помните, Арди?

– Двадцать четыре года.

– Если бы вы нормально работали, ему бы сейчас исполнилось двадцать пять.

– Успокойтесь!

– Я спокойна. “Рулить” значит на шаг опережать преступника.

– Послушайте...

– Комиссар Марс тщательно готовил свою месть. Долгие годы, продумывая каждую мелочь. Вы могли заранее почуять неладное. Ведь для того и существует ваша служба, или нет? Обнаруживать то, что огнеопасно.

– Что вы набросились на меня, мадам Жост? Это все из области фантастики, сами знаете, ведь вы сами бывший полицейский комиссар.

– “До” и “после” – понятия относительные. Вы почему-то не пришли ко мне “после” Сен-Мишеля, капитан. А ведь убийца прокричал имя жены Ришара Грасьена. Такой автограф трудно не заметить.

– Я говорил со всеми свидетелями и следователями по тому делу.

– Да неужели?

– Смерть Марса делает вас очень важным свидетелем, мадам Жост. Вы встречались с ним незадолго до его отъезда из Парижа. Наверняка он что-то рассказывал.

– Он мастерски лгал.

– Вы общались с его командой. И особенно с майором Дюгеном. Я начинаю с нуля. Опрашиваю всех подряд.

– Поздновато спохватились. Я-то вам зачем?

– Чтобы составить подробное досье. На Грасьена, если он заказал Марса. На кого-то другого, если это был не Грасьен.

– Короче, вы увязли в болоте.

Арди поднял на нее недобрый взгляд. Торпеда попала в цель, самодовольства как не бывало.

– Ладно. Мы с вами едем в ГИС.

– Ни за что.

– Мне нужно кое-что вам показать. Это касается бульвара Сен-Мишель.

Она окинула его взглядом, готовясь выпустить новый заряд желчи, но передумала. Прошрое лето, Париж, терраса кафе. Потом – кошмар. Двое на мотоцикле. Пассажир стреляет в Ингрид Дизель и Себастьяна Менара.

Она не была свидетелем этой сцены, но представляла ее себе тысячу раз.

Спустя какое-то время Саша сообщил ей, что оружие ранее уже использовалось для убийства. Старое дело: наркоторг устранил конкурента. Пуля калибра 9 мм, оборвавшая

жизнь Менара, была выпущена из того же пистолета. Тот тип сидел в тюрьме и не имел никаких связей ни с Грасьеном, ни с рынком торговли оружием. Пистолет, до сих пор не найденный, вероятно, переходил из рук в руки на черном рынке и ни разу нигде не всплывал до момента покушения на ее американскую подругу.

“Мне нужно кое-что вам показать”. Арди не лукавил.

После той ужасной истории с Ингрид Лола чувствовала себя опустошенной и обозленной, хуже того – беспомощной. Теперь внутри затеплился огонек.

Сначала в душ. Долой домашний халат, в котором она ходила уже несколько дней. В зеркале отразилось крайне обозленное существо: волосы торчком, как змеи на голове Медузы, бледная одутловатая физиономия. Весы показали прибавку в три кило.

А мне плевать. И Парижу плевать.

Она отворила окно, протянула руку, чтобы понять, что делается снаружи. Подозрительно тепло и льет как из ведра. Зима сошла с ума.

В “ауди” нудно бормотало радио. На автосборочном предприятии сокращают персонал, подросток отправил в больницу инспектора департамента образования, в Мали погиб французский летчик.

Лола представила себе, как вертолет, врезавшись в бархан, взрывается и превращается в пылающий шар. Этот ублюдок Ришар Грасьен был посредником в торговле оружием. Специализировался на африканских контрактах. Журналисты дали ему прозвище Мистер Африка. Марс тоже отправился умирать в Африку. Африка, опять эта чертова Африка.

Арди поставил на крышу мигалку, включил сирену и понесся вперед. Мелькали улицы, залитые дождевыми потоками. Машина постанывала, преодолевая напор воды. На светофоре они притормозили. На заднем стекле автобуса Лола заметила фото какой-то американской актрисы. Короткие, очень светлые волосы. Ощетинившийся ежик. Загорелся зеленый. Автобус повернул направо. Дождь жестоко пошутил: молодая актриса напомнила Лоле Ингрид.

На бульваре Бомарше Арди еще прибавил скорость.

Они стремительно домчались до места с красивым длинным названием – улица Антуана Жюльена Энара, Париж, 12-й округ. Современное здание из камня и стекла. Безупречно ровное, как манеры капитана.

Ее усадили в почти пустой комнате. Стол и два стула. Девушка с пластмассовым, как у ее начальника, лицом принесла кофе и стакан воды. Небось думают: помаринуем ее подольше, и она станет податливой. Не нужно обольщаться.

Глава 2

Безоблачное небо над бульваром Сен-Мишель. На дальнем плане Нотр-Дам. По набережной Монтебелло машины едут свободно. Любопытные толкуются у прилавков букинистов. Мужчина выгуливает двух борзых, картинно куря сигару.

Живописный собачник выходит из кадра. Прохожие отскакивают, пропуская девушку.

Высокую, мускулистую, в кислотно-розовой толстовке.

Ингрид.

Она несетя как ненормальная, рассекая руками пространство. Светлые волосы под лучами солнца кажутся белыми.

Ее лицо в кадре, почти вплотную к камере. Она в диком ужасе.

Выстрел.

Камера дернулась. Голос прямо в микрофон: “Черт! Стреляют!” Кто-то кинулся наутек, кто-то упал на землю.

Мотоцикл. Водитель в белом шлеме стремительно разворачивается и жмет на газ, пассажир, в черном шлеме, размахивает пистолетом.

Голос тупо бормочет в микрофон: “Не, ну ты смотри, больные на всю голову!”

Белый Шлем легко лавирует между машинами, обгоняет Ингрид, преграждает ей путь. Некуда бежать. У нее за спиной паранет и ко всему равнодушная Сена.

Громкое сопение в микрофон.

Черный Шлем целится. Вытянул руку, застыл. Профессионал. Ингрид молит о пощаде.

Картинка и голос в микрофоне дрожат: “Нет, не может быть, он что, будет стрелять?..”

Белый Шлем нервно озирается. Ингрид лицом к лицу с Черным Шлемом. Отважная, хрупкая. Бессмысленно просить.

“О, черт! Нет!”

Черный Шлем кричит: “ЗА АНТОНИЮ ГРАСЬЕН, сука!” Поднимает руку. Сдвигает ее. Чуть заметно. Стреляет. Ингрид оседает. В микрофоне слышится брань. Мотоциклист и его пассажир что-то раздраженно говорят друг другу. Черный Шлем снова забирается на сиденье. Белый Шлем мчится в сторону Нотр-Дам.

Ингрид на коленях. Пустое пространство вокруг нее залито светом.

Картинка дрожит в такт трясущимся рукам парня, снимавшего эту сцену на свой айфон.

– Может, воды, мадам Жост?

– Арди, перестаньте поить меня каждые пять минут!

Видео, случайно снятое прохожим на мобильник, подтверждало то, о чем думала Лола с самого начала. И еще кое-что. Теперь, просмотрев ролик уже в который раз, она перестала в этом сомневаться.

– Стрелок мог убить Ингрид Дизель, если бы хотел. На таком расстоянии он бы не промахнулся.

Тем не менее пуля Черного Шлема прошла у нее над головой.

– Он целится в нее, – произнесла Лола. – Потом поднимает руку, самую малость, чтобы чуть изменить угол прицела. На самом деле, изменив его, он изменил решение. Ему заплатили за убийство Ингрид, но в последний момент он ее пощадил.

– Согласен, так оно и есть. Однако, не будь этого видео, все бы решили, что он не собирался ее убивать, просто хотел припугнуть.

– А благодаря видео мы узнали, что он передумал в последний миг.

– Вот именно.

Да, потому что водитель не понял, зачем стрелок пощадил Ингрид. Его поза, все его движения выражали недоумение. Потом они перебросились парой слов. Возникло напряжение. Черный Шлем явно был главным. Он сказал Белому Шлему, что пора сматываться.

– Парни уже пробили номер?

– Мотоцикл был без номера.

– Из ваших осведомителей никто не слышал об этом заказе?

– На данный момент – никто.

– А что с пистолетом? До сих пор не нашли? Он ведь уже где-то засветился.

– Кто вам сказал?

– Один из моих бывших сослуживцев по комиссариату десятого округа, – соврала Лола. Нельзя же вмешивать Саша в это дело.

– Про эту “беретту” ничего не известно.

– Вам уже точно известно, что это “беретта”?

– Да, эксперт увеличил картинки из видео.

Несколько секунд они внимательно рассматривали друг друга.

– Я же говорил, что мне нужно кое-что вам показать.

– По доброте душевной, так, что ли?

– Я не работаю против вас. Наоборот.

– Мне ничего не известно, капитан. Сколько раз вам повторять?

– Люди порой думают, что ничего не знают, а на самом деле знают. Не мне вам об этом говорить. Поделитесь своими воспоминаниями.

Арди положил на стол миниатюрный магнитофон. Лола раздавила в руке пластиковый стаканчик, откинулась на стуле и упрямо скрестила руки на груди. День только подходил к концу, впереди еще была бесконечная ночь. За ее спиной ливень стучался в широкие окна.

Глава 3

15 января, вторник

Еще не рассвело. Саша Дюген посмотрел на часы. Арди опоздал на полчаса. Он вызвал Саша на семь, а сам только что явился. Капитан ГИС устроился за столом, который выделила ему уголовная полиция.

Между ними, словно по волшебству, появился магнитофон, а вместе с ним установилось поле взаимной неприязни.

– В первый раз, майор Дюген, я нанес вам визит вежливости. Теперь, когда погиб Марс, с вежливостью покончено.

– Как скажете.

– Уголовный розыск долгие годы возглавлял психопат. К тому же привлекавший внимание СМИ. А теперь лихо закрученный сюжет привел нас в Абиджан. В данный момент, когда Франция ведет военную кампанию в Мали, это создает проблемы.

– Я не читаю газеты, времени нет.

Арди включил магнитофон, назвал дату, время, свое имя, затем имя Саша.

– Майор Дюген, расскажите, какие шаги вы предприняли в конце минувшего лета в Кот-д’Ивуаре, чтобы найти своего начальника, дивизионного комиссара Арно Марса.

– Я его не нашел.

– Я не совсем точно выразился. Что вы предприняли, чтобы *попытаться* его найти?

Саша повторил то же, что уже рассказывал по возвращении из Африки. Он воспользовался сведениями, предоставленными коллегой из финансовой полиции, которая разобралась в схеме счетов беглеца. Первым звеном был услужливый французский брокер, открывший Марсу счет на Багамах. Пройдя по этому следу, Саша установил, что комиссар с семьей, вероятнее всего, находится на Африканском континенте. Арно Марс в свое время занимал высокий пост во французском посольстве в Киншасе. Саша отправился авиарейсом в Демократическую Республику Конго.

– Откуда у вас информация о дипломатической карьере Марса?

– Он сам мне рассказывал.

Арди сделал вид, что перечитывает свои заметки, потом покачал головой с таким видом, словно услышал удачную шутку.

– До этого момента обе версии совпадают.

Он снял часы, протер их о рукав, положил рядом с ручкой.

– Напомните мне, как вы оказались в Абиджане.

– Навел справки у старых знакомых Марса по Африке.

– Завидное у вас терпение. Оно обычно вознаграждается.

– Возможно. Только я не нашел его убежища.

– Удивительно, ведь были у самой цели.

– Отпуск у меня короткий. А работу терять не хочется.

– Я прочитал запись нашей последней беседы, и у меня снова возник тот же самый вопрос. Зачем вам понадобилось разыскивать Марса?

Он проговорил это бесцветным тоном, но глаза блестели в предвкушении удовольствия. Ловит кайф, как будто он в ГИС первый день. Саша представил себе, что стоит на ринге у себя в клубе тайского бокса. Прямым в рожу, левым в живот – и напыщенный придурок падает, сложив ручки и жалобно скуля.

– Я вам уже говорил.

– Отвечайте на вопрос.

– Чтобы объясниться.

– Объясниться по-мужски. Да-да, я так и записал. Скажите, у вас было при себе оружие?

Арди впервые задал этот вопрос. Саша почувствовал, что врать нельзя, по крайней мере сейчас.

– Да, было.

– Ваше табельное оружие?

– Нет.

– Продолжайте.

– На Африканском континенте не так уж трудно раздобыть оружие.

– Какое, например?

– “Зиг-зауэр”.

– Вы хотели убить Марса?

– Я его – нет, он меня – вполне вероятно.

Арди остановил запись.

– Из-за него ты стал посмешищем, Дюген. И угробил карьеру. На твоём месте я бы его не пощадил.

На “ты” и с презрением – старый трюк.

– К чему конкретно вы клоните?

– Не стану утверждать, что ты заранее решил его прикончить. Однако эта мысль мелькнула у тебя в голове, иначе какого черта тебя понесло в Африку?

Саша потянулся, чтобы включить магнитофон. Арди неожиданно ловко перехватил его руку.

– Ты так просто от меня не отделаешься, Дюген, я превращу твою жизнь в ад.

Инквизитор поудобнее устроился в кресле и потрогал свои часы.

– Никого не предупредив, ты в гордом одиночестве отправляешься на край света только за тем, чтобы “объясниться по-мужски”. Возвращаешься несолоно хлебавши – как славно! Вероятно, это была просто необходимая оборона. Памятуя о ваших терках, не могу тебе не посочувствовать.

Некоторое время оба молчали. Саша думал о текущем расследовании, о своей группе. Когда ведешь дело, первые часы решают все. Из-за этого идиота они теряют драгоценное время.

– Пора давать показания, в противном случае ты скоро останешься в полном одиночестве.

– Ну что ж...

– Вы с Марсом взяли Ришара Грасьена. Одна проблема: его любимая жена Антония погибла вскоре после того, как ее задержали. А задержал ее ты. Убрал ее Марс, но об этом ты узнал не сразу. Марс смылся. Ты собрал информацию, полетел в Африку. Вскоре после твоего отъезда случился кошмар на бульваре Сен-Мишель. Заказали одну из твоих бывших подружек, Ингрид Дизель. Лейтенанту Менару не повезло, он решил составить ей компанию. И поймал пулю, став побочной жертвой. Прежде чем выстрелить в твою подружку, киллер высказался ясно и недвусмысленно: “За Антонию Грасьен, сука!” Он выполнил заказ Мистера Африки, у которого два заклятых врага – Марс и ты.

– Арди, вы допрос ведете или байки мне рассказываете?

– Ты ключевой персонаж этой пьесы.

– Ключевой персонаж – Грасьен.

– Он отрицает, что нанял мотоциклистов. Ничего нового я тебе не скажу.

– Это ваша проблема, а не моя.

– Он отрицает и то, что заказал Марса.

– А вы ждали, что он сразу же даст развернутые показания?

– Эх, зря ты взялся за дело в одиночку. О тебе и мать родная столько не знает, сколько я. Времени потратил немерено. Прежде всего, заметно, что ты нравишься женщинам. Они считают тебя более крутым, чем ты есть на самом деле. Ты же раздуваешься от гордости на пустом месте. И ты, и твои женщины – вы изрядно приукрашиваете имеющиеся у тебя достоинства. Что скажешь?

– Ничего.

– Я открою тебе путь к искуплению. Это дорогого стоит, сам знаешь.

Арди снова включил магнитофон.

– Скажите, Дюген, в каких отношениях вы были с Карен Марс?

– А при чем здесь это?

– Вы были другом семьи, так ведь?

– Да.

– Марс был гораздо старше своей жены. Ей пришлось вместе с ним пуститься в бега, чего она явно не желала. Для Карен Марс вы могли стать спасителем или что-то в этом роде.

– Не понимаю...

– Ее против воли увез в Африку старый полоумный муж, так что она была благодарна, что вы приехали. Тем более что вы всегда симпатизировали друг другу.

Арди снова остановил запись.

– Можно даже включить воображение. У вас с Карен в Париже была связь. Когда он ударился в бега и потащил ее с собой, ты бросился на выручку. К ней на выручку. Вследствие чего пришлось убить старика.

– Если вы надеетесь обработать меня, подсунув подобный сценарий, то это мелко.

– А теперь посмотри с другой точки зрения, Дюген. Если кто и мелковат, так это ты. Когда до тебя дойдет моя стратегия, будет уже слишком поздно.

Глава 4

Несколько секунд пробыв на грани сна и реальности, Лола сообразила, что лежит в своей кровати. Ее все еще держали в ГИС, когда она пробудилась от грохота мусоровоза. Кабинет был тот же, что и накануне. Она сидела лицом к лицу с Филиппом Арди, но теперь всю свободную стену занимал гигантский экран. Саша с выжженным на лбу крестом шел по улице. *Моему другу-психоаналитику я как пациентка совершенно неинтересна. Мои сны слишком просто толковать.*

Ее словно оглушили. Арди жестко ее прессовал. Он был буквально одержим Дюгеном.

Майор Дюген, ближайший сотрудник Арно Марса, больше всех пострадал от махинаций шефа. До такой степени, что истратил отпуск на поиски бывшего начальника. Хотел объясниться. И вернулся ни с чем. Усталый, но все же спокойный. По крайней мере, был спокоен до тех пор, пока не узнал, что в его отсутствие Ришар Грасьен нанял двух мерзавцев, совершивших убийство на бульваре Сен-Мишель. Менар был заместителем Саша, а Ингрид – любовью всей его жизни, пока их не разлучило неосторожно брошенное слово.

Она догадывалась, о чем думал ее собеседник. По его мнению, Саша соврал, заявив, что не нашел Марса. Следующий шаг – подозрение, будто именно Саша завалил шефа. Дурацкая теория. Саша не глупеет даже от обиды. Почему бы Арди, черт бы его побрал, не направить свою энергию на Грасьена?

Двое продажных полицейских по цене одного в самой прославленной бригаде страны: инквизитор раскопал резонансное дело и теперь намерен по-быстрому его раскрыть. На данный момент он искал, в кого вонзить клыки. При виде Саша у него закапала слюна.

Лола приняла парацетамол: после вчерашнего лечения портвейном ее одолевала мигрень. Она заглянула в холодильник, пустынный, как тундра Аляски. Единственному яйцу, которое она поджарила на сковороде, составили компанию черствый кусочек хлеба и чашка крепкого кофе. Пора бы сходить в магазин.

Но у нее имелись дела поважнее.

На столе у Саша были разложены снимки, сделанные полицейскими Кот-д'Ивуара.

Абиджан. Стройка, заброшенная из-за муссона. Сиренево-голубое небо, густо-желтые дома на фоне яркой зелени. Плоская крыша пустого строения. Место преступления.

От Марса мало что осталось. Кучка костей на грязном бетоне. Ключья одежды, потускневшие часы. Только ботинки свидетельствовали о былом великолепии: джентльмен привык шить обувь на заказ из самой лучшей кожи.

Джентльмена дочиста обглодала Африка, которую он так любил. Дожди и маленькие прожорливые твари попиروвали на славу. Видимо, он пришелся им по вкусу.

Лола посмотрела на Саша: печаль очень его красила. Он ждал, что она скажет. Конечно, Марс доставил им массу неприятностей, но такого он не заслужил. Что бы они сделали на его месте? Убивают твоего сына, и ты платишь тем же – или опускаешь руки и говоришь: “Пусть свершится правосудие”? Гений сыска не колебался. Он обманул и соратников, и судей, словно желая сказать: государство все равно умоет руки, значит, мне самому придется стать палачом. Уничтожу близких Грасьена, а его пощажу. И жизнь врага превратится в кошмар.

– Лола, я хотел сообщить вам про Марса. Но телефон у вас...

– Да, я его отключила. Со мной такое бывает.

Он кивнул и стал ждать, что она скажет дальше. Никому из ее знакомых не удавалось так красиво молчать: под внешним спокойствием мерцают горящие угли.

– Я думал, что Марс бежал вместе с семьей.

– Наверное, он отправил Карен и Орели в безопасное место, прежде чем его прикончили.

Девочке еще нет и двенадцати. Хотелось надеяться, что они с матерью живы, где бы ни находились – в Африке или где-то еще.

– Это ведь Грасьен?

– Не знаю.

– А кто же тогда?

– Марс раздобыл копию записных книжек Грасьена. Мог посадить кучу народа. Но при нем ничего не нашли.

Проклятые записные книжки. Динамит в чистом виде, иначе не скажешь. У каждого своя манера вести дневник. Грасьен придерживался особого стиля. Адвокат в малейших деталях описывал все сделки, которые “помог провести”. А также пикантные истории о политиках, дельцах и официальных лицах, замешанных в непрозрачных отношениях между Францией и ее бывшими африканскими колониями. Контракты, легальные и не очень, более чем за тридцать лет. Любой за возможность взглянуть на все это хоть одним глазком отца и мать бы не пожалел.

– Ты же лучше всех знал Марса, Саша, но ни собранная информация, ни упорство не помогли тебе разыскать его. Зато Грасьен знает всех наемников, промысляющих в Африке, от Гибралтара до Кейптауна.

Он отвернулся и подошел к приоткрытому окну. Марс был его наставником, он принял его с распростертыми объятиями, когда Саша пришел на должность, о которой мечтал, – начальника подразделения в самой престижной бригаде страны. Потом дивизионный комиссар стал всю им манипулировать.

Я почти физически ощущаю, как тебе больно, Саша. Ты любил старого мерзавца так же сильно, как и проклинал. Я-то знаю.

– А кроме этого – как жизнь?

– Работы выше головы, и это как раз то, что мне сейчас нужно.

Лола достала из кармана металлическую коробочку. Ее горло было не в восторге от мокрой зимы. Лола протянула Саша коробочку с мятными драже, он положил одно в рот.

– Вы что-нибудь знаете об Ингрид?

Ингрид и Саша. Этим двоим стоило бы снова сойтись после всего пережитого. Хотя они были совсем разными, Лола считала, что это идеальная пара. И их красивому роману Марс тоже положил конец.

– Ее пригласили в труппу одного роскошного казино в Лас-Вегасе. Прощай стриптиз, здравствуйте блески и френч-канкан!

– Разве в Вегасе танцуют френч-канкан?

– Понятия не имею.

Она рассказала ему о визите Филиппа Арди, а под конец – о видеозаписи.

– Сегодня утром этот ублюдок меня допрашивал. Но про запись ни словом не обмолвился, – заметил Саша.

– Думаю, он держит под подушкой книгу “Как стать Макиавелли. Пособие для чайников”.

Он предложил ей кофе из нормальной кофеварки. Дела в уголовке, видимо, пошли на лад: наконец-то кто-то заметил, что кофе из аппарата похож на помой.

– Лола, я злюсь на себя из-за Менара и...

– И из-за Ингрид... Все оказалось напрасно. И меня не было рядом, чтобы их защитить.

Она потеряла поясницу. От дождя у нее разыгрался артроз, а из-за раскаяния Саша ее накрыла хандра. Скоро у нее день рождения. Еще несколько недель, и ей исполнится сто пятьдесят лет.

– Саша, позволь дать тебе совет: остерегайся Арди. Уж больно ты ему нравишься.

– Да я заметил.

– Знаю, о чем он думает: что ты нашел Марса и убил его. Ищет свидетелей. А когда такой тип хочет любой ценой найти факты, подтверждающие его версию...

– Может произойти что угодно, даже самое худшее.

– Вот именно.

Он объяснил ей, что на данный момент Арди заботит его меньше всего. Группе Дюгена поручили расследование тройного убийства. Японский ресторан, 9-й округ.

Она почувствовала, что, несмотря на неприятности, он очень сосредоточен. Ее всегда восхищал его бойцовский дух. Это свойство вкупе с умением мыслить логически и составляет разницу между хорошим сыщиком и сыщиком от бога.

Лола перешла набережную: ее потянуло к Сене, к запаху реки. Дождь унесся прочь – портить жизнь людям в других краях. Мимо Лолы проплыл речной трамвайчик, набитый туристами, которые знакомились с Парижем под звуки голоса Кэти Перри, исполнявшей *Firework*:

Cause baby, you're a firework...

Ее словно царапнуло по сердцу. Когда-то Ингрид хотела поставить танец на эту песню. *Я всегда мечтала о сценическом костюме “фейерверк”. А ты, Лола, придешь и посмотришь, как я танцую.*

Марса и Менара нет в живых. Грасьен гниет в тюрьме. Саша по-прежнему руководит группой. Уголовный розыск возглавил другой дивизионный комиссар. У Ингрид в Штатах новая жизнь. Молодая американка, безумно влюбленная в Париж и Саша Дюгена, вышла из игры и решила, что пора вернуться к своей культуре и своим корням.

На той стороне Сены, на левом берегу и бульваре Сен-Мишель Лола не бывала с прошлого лета. Смерть Марса полностью поменяла расклад.

Лола перешла через мост. Посетители кафе, обрадовавшись неожиданному зимнему теплу, оккупировали столики на террасах. Она нашла то место, где был застрелен Менар. Ингрид тогда решила встретиться с ним и что-нибудь разузнать. Он работал в группе Дюгена и, возможно, догадывался, куда отправился Саша. Но лейтенант ничего не знал. И никто ничего не знал. Саша отбыл в неизвестном направлении, никого не предупредив.

Мотоциклисты приехали сюда по правому берегу. Черный Шлем сделал первый выстрел и убил Менара, потом они гнались за Ингрид по набережной Монтебелло.

Войдя в кафе, Лола определила, в какую дверь выбежала Ингрид, вышла через нее, пересекла дорогу, миновала прилавки букинистов, представляя себе, как девушка мчится в сторону Нотр-Дам. Рефлекс у нее сработал четко, однако Белый Шлем не зевал и ринулся следом за ней по встречной полосе. Довольно рискованно при такой-то интенсивности движения. Подонки действовали крайне дерзко.

Лола добрела до того места, где они нагнали Ингрид.

Американка рассказала, что ей довелось пережить. Она не сомневалась, что умрет. Последняя мысль ее была о Саше.

Здесь, на берегу Сены, пуля просвистела над головой Ингрид, она решила, что ее застрелили, тело обмякло, получив воображаемый удар, и она упала. В глазах потемнело, время остановилось. Смерть омерзительно ухмыльнулась, развернулась и ушла. Ингрид не видела, в какую сторону умчались мотоциклисты, только слышала, как Черный Шлем крикнул: “За Антонию Грасьен, сука!”

После покушения Ингрид чувствовала себя отвратительно. Саша был недоступен, и не без причины: сосредоточившись на поисках Марса в Африке, он избегал любых контактов с цивилизацией. Ее мучили кошмары, она видела двух мотоциклистов и окровавленное тело Себастьяна, погибшего из-за нее.

Прошло немного времени, и она приняла решение. Саша все не возвращался, несмотря на гибель своего юного заместителя и последовавшие за ней события, так что во Франции ее ничто не удерживало. Она осталась жива не для того, чтобы смиренно ждать, пока ее поманит пальцем парень, который того не стоит.

Она села в самолет до Сан-Франциско, встретила там с другом Тимоти Харлена³, и тот дал ей кое-какие контакты в Лас-Вегасе. Остальным она обязана своему таланту. Не прошло и нескольких недель после ее возвращения на родину, как она получила место танцовщицы в известной труппе. Лола более или менее регулярно получала от нее по электронной почте письма и фотографии. Сияющая Ингрид в стразах и перьях в окружении других девушек, высоких, мускулистых, писанных красавиц, лучащихся радостью.

Мне не хватает твоей жизнерадостности, твоей душевной щедрости, малышка янки, надеюсь, ты счастлива среди своих долговязых подружек, похожих на жирафов. Это главное.

Она мысленно развернула карту метро, построила маршрут и зашагала к станции «Шатле». Когда она вышла на улицу у набережной Рапе, на плечо ей упала и рассыпалась мелкими брызгами дождевая капля: небо опять взялось за свое. И тут же она почувствовала неожиданно приятный запах мокрого асфальта.

³ Тимоти Харлен – персонаж романа Д. Сильвен «Грязная война», хозяин ночного клуба, где выступала Ингрид.

Глава 5

Средства дезинфекции не заглушали запаха разложения. Лола сунула в рот мятный леденец, с непринужденным видом прошла было мимо окошка на посту охраны, но ее вдруг окликнул дежурный, молодой парнишка, явно новенький. Наверное, тот старичок, что обычно тут сидел, ушел на пенсию. Мальчишка потребовал документы.

– Ваше удостоверение просрочено.

– Вполне вероятно, но меня тут все знают.

– Вы родственница усопшего?

Усопшего! В судебном морге завелся поэт, черт возьми!

– Нет, мне нужно встретиться с доктором Франклином. Тома – мой друг.

– Вы записаны?

– Конечно.

– Что-то я не вижу в списке вашего имени.

После довольно долгих препирательств дежурный соблаговолил позвонить ветерану судебной медицины. Старый зануда велел передать, что у него вскрытие и сейчас он никого принять не может.

– Ничего, подожду, – заявила Лола, состроив еще более упрямую мину, чем у ее собеседника.

– Запишитесь и приходите в назначенное время.

– Нет.

– Да.

– Хотите, чтобы дама моих лет таскалась под дождем и заработала пневмонию?

Парень сдался и позволил ей подождать в коридоре. Лола сказала правду: она дрожала от холода, у нее все тело ломило.

Спустя час и сорок семь минут появился Франклин в маске из прозрачного плексигласа, пластиковом фартуке и медицинских шлепанцах.

– Не может быть! Ты... Глазам своим не верю.

– Знаешь, как говорят китайцы? Наберись терпения, и со временем трава превратится в молоко.

– Плевать мне и на коров, и на китайцев. У меня только пятнадцать минут, чтобы перекусить, а потом опять пахать. Не грузи меня, Лола.

– И не мечтай. Поговорим о Марсе.

– Он не здесь. Зря ты пришла.

– Арди лично сообщил мне, что тело здесь, у вас. Приказано расследовать дело в кратчайшие сроки.

– Записалась бы ты на курсы бриджа, или виноделия, или ремонта сантехники. Живи своей жизнью, сколько ее отмерено! Сама знаешь: это плохо кончится.

– У меня недоброе предчувствие.

Она рассказала Франклину о слишком пристальном интересе Арди к Саша Дюгену. Капитан ГИС больше заботился о своем продвижении по службе, чем о торжестве правосудия.

– М-да, знаю я этого Арди, – кивнул Франклин.

– И?..

– Не подарок. Внешне само спокойствие, а внутри что-то бродит и смердит.

– Значит, мы с тобой заодно.

– Ничего подобного! Оставь ты меня в покое.

Лола не унималась: ей нужно спутать карты Арди, если тот замыслит какую-нибудь пакость.

- Какая же ты смешная, Лола! Хочешь в одиночку бодаться с ГИС, как большая?
- Ты и представить себе не можешь, какой у меня запас вредоносности.
- Что-то ты неважно выглядишь. Тебе бы поспать, отправляйся-ка домой.
- Спасибо, я только что оттуда.

После отъезда Ингрид Лола почти все время спала. Лола Жост, престарелая спящая красавица... А что? Неплохо. Ломит тело, не ломит – надо держаться.

Как обычно, она взяла доктора измором: ей известно, что останки Марса привезли в судебно-медицинский морг позавчера.

- И что?
- В общем, убили его в сентябре.
- Когда в сентябре?
- Точно не известно. Не перебивай. В Западной Африке это к тому же сезон муссонов...
- Так что понадобилось совсем немного времени, чтобы от него остался один скелет.
- Ну да, но это-то и странно.
- Объясни.
- А ты подумай.
- Я только этим и занимаюсь.
- Марса застрелил профессионал. Пуля в голову – и быстро, и наверняка...
- Я тебя об этом не спрашивала.
- Но киллер оставил его на крыше недостроенного дома. Как я понял, стройку остановили на период дождей. Невозможно штукатурить, когда идет дождь. По крайней мере, когда льет как из ведра.
- Логично.
- Потом нужно ждать, когда все просохнет.
- Разумеется.
- Значит, совершенно очевидно, что тело нашли, когда стройка возобновилась. После обнаружения останков их нужно было идентифицировать. Никаких документов, только дорогие часы. К тому же нелегал. Иностранец.
- Словом, ты не понимаешь, почему убийца не закопал его в лесу и концы в воду.
- Притом что почвы там жирные, а червяки здоровые и крепкие, как Джейсон Стейтем.
- Ну да. А скажи-ка мне...
- Что еще, Лола?
- А пушка?
- Пушку не нашли.
- Убийца использовал револьвер...
- Или пистолет. И забрал гильзу. Пуля в лаборатории, в жандармерии. Арди потребовал, чтобы экспертизу провели вне очереди. Когда инквизиторов торопят, у них иногда что-то получается.
- Странно, что результаты еще не у него.
- Странно или нет, но это так.
- Что известно про угол выстрела?
- Это не похоже на казнь как таковую в классическом стиле: две пули в затылок – и баю-бай. Марс лежал на спине. Возможно, у него было разбито лицо.
- Если только убийца не швырнул его на землю или не заставил лечь...
- В любом случае убийца стоял над ним. Глядя в глаза. Стрелял в упор. Пуля прошла череп и застряла в бетоне.
- На стройке был охранник?

– Понятия не имею. Лола, я режу покойников, а не беседы с ними веду.

– Ты говоришь о нем как о первом встречном.

– Ошибаешься, я к нему хорошо относился, несмотря на его безумные поступки. Марс был мужик крутой, скажет как отрежет. Этим и брал. Никогда мы его больше не услышим. И ничего с этим не поделать. Иными словами, пусть те, кому надо, суетятся, а меня оставь в покое.

– Мне показалось или ты и правда стал еще ворчливей, чем обычно?

– Говорю тебе: бридж. Хотя на твоём месте я выбрал бы курсы сантехников.

– Спасибо тебе за информацию, дружище.

Франклин устало кивнул и пошел от нее прочь по коридору. Лола услышала, как он, не поворачивая головы, произнес:

– Сантехника, Лола, сантехника! В ней твоё спасение.

Она удалилась, сопровождаемая косыми взглядами дежурного. В кафе на углу заказала бокал белого вина, чтобы прогнать запах морга.

Убийца стоял над ним. Глядя в глаза. Почему не выстрелил в спину, когда Марс попытался бежать, и не прикончил пулей в затылок? На бульваре Сен-Мишель байкер тоже догнал Ингрид, и она, оказавшись с ним лицом к лицу, уже попрощалась с жизнью, а он ее пощадил. “Глядя в глаза”.

Стрелок в Африке, мотоциклист в Париже – оба работали на Ришара Грасьена?

Она решила немного пройтись, прежде чем вновь спуститься в метро. Небо было беспокойно-серебристым. Облака расплзлись, и из разрыва вырвался на волю сноп солнечных лучей, осветив фасады домов и нарисовав крошечную радугу. Лоле представилось, будто Ингрид идет рядом. Ей понравился бы этот вид. *I'm so in love with this fucking city, Lola*⁴.

Она подходила к станции “Бастилия”, когда мощный рев мотора заставил ее обернуться.

Черный комбинезон, шлем с тонированным визором. Она застыла, охваченная ужасом. И нечеловеческим усилием заставила себя идти дальше.

Она спустилась в метро. На платформе лучше ей не стало. Это была не первая паническая атака. Теперь она на дух не переносила ни мотоциклы, ни мотоциклистов. Она порылась в сумочке, проглотила таблетку. Шрамированная африканка в фиолетовом пальто уставилась на нее. Лицо у Лолы выражало страх, и женщина смотрела на нее скорее сочувственно, чем испытующе.

Со скрежетом остановился поезд. Она вошла в вагон. Ноги у нее подкашивались, желудок взбунтовался против выпитого в кафе вина. Оглядев пассажиров, Лола принялась себя урезонивать. Мотоциклист – совершенно безобидный парень, каких на улицах тысячи.

⁴ Я так люблю этот чертов город, Лола (англ.).

Глава 6

Лексомил – волшебное снадобье. Пусть даже в гостиной будет ползать кобра – Лола и бровью не поведет. Она оставила в прихожей плащ и резиновые сапоги и отправилась к своей горе Корковаду. Выбрала подходящий фрагмент, закончила волну в заливе, уселась в вольтеровское кресло и сложила руки на животе. Где-то за стеной гудел пылесос.

Она подвела итоги.

Марса убил неизвестный, выполнявший заказ. Арди не считал Грасьена заказчиком, зато вплотную занялся Дюгеном. Ингрид пощадили в последний момент. Взрывоопасные записные книжки Грасьена так и не найдены. Их исчезновение, вероятно, не нравится кучке высокопоставленных чиновников и оружейных магнатов.

Марс, старый хитрец, ты и мертвый им всем вставил.

То, что случилось, – месть, дело двух мужчин. Однако дивизионный комиссар мог случайно завладеть копией записных книжек, оценить их разрушительную силу и далее действовать из политических соображений. В разгар поединка с продажным адвокатом Арно Марс позволил себе роскошь отправить фрагмент дневников Грасьена в скандальную газету “Канар аншене”⁵. Публикация стала причиной смерти бывшего министра иностранных дел Луи Кандишара: прошлым летом он свел счеты с жизнью в своем доме, застрелившись их охотничьего ружья.

Марс, кровожадный бог.

Лола зашла в интернет. На сайте *Politika* она прочла статью, вывешенную в августе:

Нашим коллегам из “Канар аншене” анонимно прислали несколько впечатляющих страничек из скандальных записных книжек Ришара Грасьена. Копия была отправлена следователям по делу “Евросекьюритиз” от имени банка, зарегистрированного в Лихтенштейне и специализирующегося на безопасности международных переводов. Согласно этому письменному свидетельству, руководители “Евросекьюритиз” проводили операции по отмыванию денег и покрывали незаконное получение посреднических процентов и откатов.

Дело уходит корнями в 90-е годы. Господин Грасьен уже тогда был главным посредником французского государства в торговле оружием с другими странами. По привычке адвокат скрупулезно записывал все детали и этапы сделок. В частности, регулярные визиты одного служащего “Евросекьюритиз”, ответственного за доставку наличности в предвыборный штаб Кандишара. Во время избирательной кампании 1994 года эти средства шли на поддержку бывшего хозяина набережной Орсе в его борьбе против Поля Бореля, чей президентский срок подходил к концу. Называют сумму 15 млн евро. Курьер “Евросекьюритиз” сейчас дает показания следствию...

Грасьена вынудили дать показания при помощи записных книжек. Марса устранили руками профессионала, нанятого сидящим в тюрьме адвокатом. Объясняет ли это, почему комиссара не убили по-быстрому? Может, прежде чем его пристрелить, убийца хотел узнать, куда Марс припрятал копию дневников?

Досадно, что действия и поступки Саша Дюгена так занимают Арди и ГИС. Еще неприятнее то, что невозможно точно определить время смерти Марса.

⁵ “Канар аншене” (*Le Canard enchaîné*) – еженедельная сатирическая газета, посвященная политике, одна из самых популярных во Франции.

Слишком все неопределенно, нельзя дразнить инквизиторов.

Саша уехал в Африку в конце августа, вернулся спустя четыре недели. Марса убили в сентябре.

Неудачный расклад.

Дождь мягко трогал оконные стекла, как джазовый ударник проводит щетками по тарелкам. Лучше остаться дома, собрать до конца Корковаду со статуей Христа, посмотреть сериал. Или прибраться. Комочки пыли катаются под столом при малейшем движении воздуха.

Ее старая записная книжка была втиснута между планом Парижа и бумажным телефонным справочником, изрядно устаревшим и обтрепанным. Когда она возглавляла комиссариат, записная книжка была ее рабочим инструментом: в ней обитало несметное множество всевозможных полицейских и разных полезных людей.

Арман Бьянко.

Он наверняка на пенсии, как и она.

Она слушала дождь.

Бьянко часто женился, но на ней – ни разу.

Она нашла его номер, позвонила, услышала густой голос. С таким бы на радио работать.

Глава 7

Волосы у него поредели, зато брови пышно разрослись. Глаза сохранили завораживающий синий цвет, а улыбка по-прежнему обещала, что все последующее будет несказанно прекрасно.

Она с удовольствием сбросила бы сейчас тридцать кило и столько же лет.

– Я-то уж решил, Лола, что при жизни мы больше не увидимся.

На кухне, где плавал запах жареного мяса, Лола увидела Софи, последнюю по счету супругу Армана, красивую брюнетку лет сорока, не больше, и некоторое количество отпрысков. А у нее на улице Эшикье совсем пусто. Она прошла следом за ним в его кабинет, рассказала о том, что узнала о смерти Марса, потом заговорила о Саша Дюгене.

– Минуточку, Лола, хочу разобраться.

– Разобраться в чем?

– Почему ты в это лезешь.

– ГИС хочет все повесить на Саша. Желательно их опередить.

– В чем проблема? Твоему другу не в чем себя упрекнуть, кроме излишней веры в порядочность Марса, гениального манипулятора.

– Я послушала сплетни своих прежних коллег. Так вот, Арди из ГИС – не единственный, кто думает, будто это Саша пристрелил Марса.

– Если твой майор невиновен...

– Он невиновен.

– Значит, у него нет повода для беспокойства. Наша система, разумеется, не застрахована от ошибок, но у Дюгена есть веский аргумент в свою защиту.

– Какой?

– Полицейский никогда не оставил бы после себя ни труп, ни пулю.

– И тем не менее. Я нюхом чую: от Арди исходит опасность. А если у меня на лице и есть нечто выдающееся, так это нос.

– Лично я всегда был равнодушен к твоим ногам.

Они с усмешкой переглянулись, как старые заговорщики. Этот чертов Арман не разучился делать комплименты.

– Так чего именно ты хочешь, дорогая?

– Хочу понять, что связывает Грасьена с Кандишаром.

– Лучше расскажу тебе о том, что связывает Грасьена с президентом Борелем. Для этого вернемся в девяносто четвертый год.

Бьянко, будучи политическим обозревателем газеты “Пуэн”, освещал президентские выборы. Луи Кандишар выставил свою кандидатуру против Поля Бореля. Тогда еще не был утвержден пятилетний срок, и страна уже семь лет терпела Бореля. Унылая экономическая ситуация, рост безработицы, тревожные настроения населения – опросы показывали, что глава государства сбавил обороты почти до нуля. Кандишар считался фаворитом. Относительно молодой – на десять лет моложе Бореля, – в прошлом крупный промышленник, по натуре энергичный, он достиг определенных успехов во главе Министерства иностранных дел. Все это внушало доверие и воспринималось как залог обновления после стареющего и застрявшего в прошлом Бореля. Как руководитель своей партии Кандишар сумел заручиться поддержкой значительного числа избирателей. Между тем, несмотря на все ожидания, он снял свою кандидатуру еще до первого тура. Борель, стратегия которого была направлена на полную смену своего имиджа, выиграл выборы и остался на второй срок.

– Некоторые из моих собратьев решили, что Кандишару оказалась не по силам избирательная кампания.

– Депрессия одолела?

– Никогда в это не верил. Мои источники сообщали, что Борель располагал компроматом на Кандишара и мог его запросто утопить. Судя по всему, он получил ее от Ришара Грасьена...

– Если я правильно поняла, команда Бореля просто пригрозила Кандишару, помахав у него перед носом записными книжками Грасьена.

– Лола, Грасьен не сливал прессе информацию никогда и ни о ком. Дошло до того, что люди стали сомневаться, существуют ли на самом деле эти дневники.

– Марс доказал, что существуют.

– И Кандишар, хотя он давно уже удалился от политической жизни, этого не вынес.

По правде говоря, в узких кругах слухи об этом никогда не утихали. А прошлым летом снаряд с ядерной боеголовкой, запущенный Марсом, превратил догадки в уверенность: Кандишар получил целое состояние в виде откатов по нескольким контрактам на торговлю оружием и вложил эти средства в свою избирательную кампанию 1994 года.

– На то, чтобы лишить Кандишара остатков достоинства, Марсу понадобилось двадцать лет, – продолжал Бьянко. – Это доказывает, что прошлое не умирает никогда.

– Как говорят китайцы, у старых грехов длинные тени.

– Красиво.

Даже если остались свидетели той схватки в верхах, состоявшейся в 1994 году, оба главных действующих лица навеки распрощались со зрителями. Поль Борель значительно опередил Луи Кандишара, скончавшись от рака за несколько месяцев до конца второго президентского срока в 2001 году.

– Знаешь, что было бы логично, Лола?

– Что?

– Грасьен мог бы воспользоваться своими дневниками, чтобы оказать давление на нужных людей и выйти на свободу.

– Как я поняла, дневники изъяли при аресте.

– Меня больше не посвящают в тайны небожителей.

– Подведем итоги. Известно, что у Марса была копия и он использовал ее против Кандишара. Марса прикончили. Можно предположить, что убийца после этого завладел дневниками. Если заказчик Грасьен – что ж, тогда он их и забрал.

– Похоже на правду.

– Ты веришь, что Грасьен выйдет на волю?

– Это трудно, но выполнимо. Все зависит теперь, как и всегда, от содержания этих знаменитых дневников.

– Одного отрывка хватило, чтобы вывести из игры Кандишара.

– В плане финансов ни одна партия и почти никто из политиков не могут быть вне подозрений. Значит, у Грасьена имеется почва для переговоров. Тем более что мы живем совсем в другие времена, не то что при Бореле.

– То есть?

– Мы тогда были более беспечными. На политика могли навесить кучу ярлыков, однако это ему ничуть не мешало. Информация не распространялась со скоростью звука. Интернет еще не завладел нашей жизнью. У политиков хватало времени, чтобы подготовиться к контратаке.

– Это называется способностью к возрождению.

– Да, их выгоняли в дверь, они влезали в окно. За кулисами они могли принимать сомнительные решения, но главное – фасад ослепительно сверкал.

– А теперь все это закончилось?

– Сегодня политик стал более уязвим. Недостаточно исповедаться с телеэкрана и выставить напоказ свои пороки, точно отмерив дозу, растрогать зрителя и тем же вечером получить отпущение грехов. Стоит политику однажды оступиться – и он будет падать и падать в сети миллион раз на глазах у всех.

– Повторение усиливает эффект.

– Да, вероятно.

Бьянко закурил сигарету и с видимым удовольствием выпустил дым. Бывший журналист скучал по атмосфере редакций и политического закулисья. И Лола подпитывала его ностальгию.

– Подпали репутацию политика, и он погибнет, как мотылек, – прошептал Бьянко, щурясь от дыма.

– Похоже, тебе их жалко.

– Вроде того.

– Нет, тебе их *и вправду* жалко.

– Наверное потому, что я старею. Ты пообедаешь с нами, Лола?

Она была голодна как волк, но чувствовала себя незванным гостем в этой семье, где царила нежность.

– Спасибо, Арман, как-нибудь в другой раз.

– Не пропадай на двадцать лет, ладно?

Глава 8

Дэвид Боуи пел *Life on Mars*? Добравшись до своего района, Лола с трудом вырулила на стоянку. Она заметила на тротуаре два знакомых силуэта. Антуан Леже и Зигмунд. Лучший психоаналитик квартала Сен-Дени выгуливал под дождем своего далматинца. Она хотела посигналить им фарами, но раздумала. После отъезда Ингрид она порвала все связи с миром людей.

Наконец она поставила машину на место, дождалась в темноте, когда закончится песня, вышла из “твинго”, побрела в магазин замороженных продуктов и сделала запас на неделю. Внутри у нее шла борьба. Все забыть и дожидаться весны или прорваться к оку циклонического вихря, пока буря не наделала бед. У нее нет никакой информации, только ощущение, будто что-то не стыкуется.

Оказавшись дома, Лола попыталась представить себя в роли Софи Бьянко. Домик с зелеными ставнями, ароматы домашней кухни, хорошо воспитанные, любящие дети. Нет, такая жизнь не для нее, и не о чем тут сожалеть.

Она разогрела еду в микроволновке, прослушала сообщения на автоответчике. Трижды звонил Бартельми, ее бывший заместитель.

Шеф, я начинаю беспокоиться. Позвоните мне.

Максим, хозяин ресторана “Дневные и ночные красавицы”, приглашал на вечернюю дегустацию региональных вин. Антуан Леже напоминал, что они давно не виделись.

Проскользнуть незамеченной становилось почти невозможно.

Друзья. Конечно, она к ним вернется. Только нужно еще немного потерпеть.

Она легла в кровать с биографией Уинстона Черчилля. *Хорошо быть честным, но и правым быть тоже немаловажно.* Этот англичанин выкурил вагон сигар, выпил гектолитры виски, прожил тысячу жизней и доказал пару-тройку геополитических теорем. Она вспомнила о Бьянко и его мнении о политиках. Колоссы на глиняных ногах. У Черчилля было одно преимущество – неистребимое чувство юмора. Совершенно необходимое для того, чтобы ноги не подвели.

* * *

Всю вторую половину дня Саша допрашивал японца, зарезавшего официантку, касишу и суши-мастера. Французским мужик владел слабовато и категорически не признавался в том, что совершил преступление в ресторане “Мацури”, где он был постоянным и вполне миролюбивым клиентом в течение многих лет.

– Это не я. Я не тот человек. Это не я.

Дело пошло на лад, когда Саша пригласил переводчика. От возможности выразить свои мысли на родном языке японец раздулся как шар и стал давать показания.

Нас взрастили слова. Все детство прошло с ними.

Переводчица оказалась красавицей с ласковым взглядом и длинными душистыми волосами. Протокол был подписан, злодей отправлен в камеру. Они стояли на набережной и болтали, повернувшись спиной к Сене. По-французски она говорила безупречно, с едва уловимым акцентом, придававшим очарование ее выговору.

– Я слышала, вы собираетесь переезжать.

– Да. Расстаемся с домом 36 на набережной Орфевр. Перемещаемся в Батиньоль. На улицу Бастьон.

– Вы об этом жалеете?

– Нет.

– Это хорошо. От ностальгии никакой пользы.

– Вы не голодны?

Рискованный вопрос. Молодая женщина несколько часов подряд слушала нудные излияния отвратительного типа, превратившего симпатичный ресторан в филиал ада.

– Пожалуй.

Они немного поели, выпили приличное количество кот-дю-рон, поговорили о работе, о планах на будущее и плавно переместились к Дюгену на улицу Пти-Мюск.

Обливаясь потом и ускоряя темп, довольные друг другом, они, обменявшись улыбками, начинали все сызнова. У Майи были маленькие груди, а сексуальные фантазии простирались за границы галактики. Саша позабыл о призраке Марса, маячившем у самой кровати. Он чувствовал в своих объятиях человеческое существо, и в нем самом затеплилась жизнь. В Африке ему было так холодно.

Глава 9

16 января, среда

Ей снилось, будто Черчилль позвал ее замуж. Они оба были в военной форме и давали представление для солдат на фронте, как Жан Габен и Марлен Дитрих. На сей раз они развлекали французский контингент в Мали. Она ограничилась чечеткой, а Уинстон с блеском исполнил оригинальный номер. Что-то распевая, он одним махом сбрил Гитлеру усы. У всех зрителей было лицо Арно Марса.

Лола уснула с очками на носу и биографией Черчилля на груди. Где-то в квартире хлопало распахнутое окно. В вентиляционных трубах завывал ветер.

Как бы ей хотелось стать легкой как ветер, залететь в щелочки и посмотреть, что поделяют люди. Какую подлость замышляет Арди? И как там поживают ребята из лаборатории баллистики? Каковы результаты экспертизы пули из Абиджана? И о чем думает Грасьен в своей тюремной норе? И на кой черт Саша поперся в Африку? И что забыла Ингрид в этом бутафорском городе?

Она встала. Окно в гостиной было открыто настежь. Получается, она проветривала комнату и, забыв закрыть створку, ушла спать? Она не могла вспомнить. Дождь намочил ее пазл, она вытерла его тряпкой. Еще несколько десятков кусочков – и она достроит Корковаду. Она вставила последний фрагмент корпуса парусного судна и выглянула в окно. Еще не рассвело, но по улице Фобур-Сен-Дени уже шли люди. Заработало метро.

Позавтракав заветренными сухариками, сморщенным яблоком и кофе, она погрузилась в вольтеровское кресло. Причина ее вчерашнего беспокойства никуда не делась. Какая-то неуловимая деталь. Она вспомнила о своей методике допроса подозреваемых. Она просила их снова рассказать ту же историю, только на сей раз от конца к началу. Простой способ обнаружить нестыковки в сценарии.

Она закрыла глаза, стала вспоминать события вчерашнего дня в обратном порядке. Вышла с парковки задом наперед, узнала, что Кандишар покончил с собой в результате политической игры, которую вел Борель с помощью Грасьена, позвонила в дверь Бьянко...

Нет, слишком быстро. Она стала медленнее крутить пленку, попыталась вспомнить все в деталях. Слова, обстоятельства, капли дождя и холодный ветер, шум города, случайные мимолетные мысли. Теперь она стояла на набережной Монтебелло.

Она повернула назад, пересекла мост Сен-Мишель, вошла в дом № 36 по набережной Орфевр, поднялась по старой лестнице, покрытой черным линолеумом, вошла в кабинет Саша. У него была привычка прикалывать снимки из текущих дел к пробковой доске. *Работы выше головы, и это как раз то, что мне сейчас нужно.*

Картонная папка лежала на столе. Он открыл ее, только когда она попросила показать фотографии с места преступления в Абиджане. Какой разительный контраст между этой закрытой папкой, стянутой завязками-ленточками, и доской с небрежно приколотыми фотографиями. Она снова увидела, как он медленно развязывает ленточки, открывает папку и раскладывает снимки.

Смерть на крыше. Абиджан после муссона.

Не просто печальная картина. Нечто гораздо большее.

Когда она заговорила о его настойчивых поисках Марса, он отвернулся, потом поднялся и подошел к окну. *Ты же лучше всех знал Марса, Саша, но ни собранная информация, ни упорство не помогли тебе разыскать его.*

Она подумала, что ей следовало вести себя поделикатнее, он явно не хотел, чтобы она видела, как ему больно. Но теперь засомневалась. Может, он просто не хотел, чтобы она

разгадала выражение его лица? Она наконец поняла, что именно ее беспокоило. Эта едва уловимая деталь. Движение. Попытка уклониться.

Избежать.

Было 5 часов 40 минут. Она быстро оделась. Поговорив с Саша у него дома, а не в кабинете, она с большей вероятностью добьется от него ответа.

* * *

Он слушал дыхание Майи. Тихое и ровное. Действительно ли Майя нежная? Нельзя путать натуру женщины и ее повадки. Он почувствовал в ней жесткость. Девушка разработала программу. Она выйдет замуж за француза, мужчину с хорошими манерами и солидным состоянием, и не станет рожать детей. Потому что у нее есть призвание. И речи не может быть о том, чтобы всю жизнь работать переводчиком, она хочет писать книги, и ее талант нельзя разбазаривать впустую, борясь с житейскими передрыгами. Она немного с ним пооткровенничала – ничего существенного, он ведь не обладал необходимым социальным статусом, – а об остальном он догадался сам.

Он приподнялся на локте и стал смотреть, как она спит. Красивая, а рассуждает как прожженный делец.

Он снова лег, прислушиваясь к звукам города. Ветер стих, машин мало. Сейчас, наверное, часов шесть. Он вспомнил те утренние часы, когда просыпался рядом с Ингрид. Вот она была сама нежность, все ее тело, ее глаза. Ее потребность отдаваться без остатка, ее ошибки во французском. И умопомрачительная манера одеваться. И умопомрачительная манера раздеваться перед беснующейся от восторга публикой на сцене клуба на площади Пигаль. Ему очень ее не хватало, когда он оставался один. А когда был не один – еще больше не хватало.

Он вздрогнул. В дверь звонили, и казалось, звонку не будет конца. Он натянул джинсы.
– Это ГИС, открывай!

Он открыл. Молодой бородатый парень и сорокалетний бугай с перебитым носом швырнули его на пол. Надели наручники. В лицо едва не ткнулись чьи-то мокасины.

– Обыщите здесь все.

Это был голос Арди. Дюгена схватили за шиворот и поставили на ноги.

– Что это значит?

– Молчать!

Появилась Майя, уже одетая. Бугай с кривым паяльником, бросив копаться в вещах, стал внимательно ее разглядывать. Она и бровью не повела. Затем спросила:

– Что он сделал?

– А вы кто? – осведомился Арди.

– Майя Мурата. Переводчик с японского. Вы из полиции?

– Да вроде того.

– Но он тоже полицейский.

– А мы – полиция над полицией, – вмешался Нос. – Значит, мы тут главные.

– Я не сделала ничего предосудительного, и документы у меня в порядке, господин инспектор. С этим господином мы едва знакомы. Мы только провели вместе ночь.

– Верю, – кивнул Арди. – Освободите помещение.

Майя направилась к выходу, окинув Саша мимолетным взглядом. Он ей улыбнулся, она прошла мимо с каменным лицом. Финал большой любви.

– Шеф, я его нашел.

Он потряс пластиковым пакетом.

В нем мой “смит-вессон”, подумал Саша и повернулся к Арди. У того победно сверкали глаза.

– Запомни хорошенько ту крошку, что сейчас от тебя вышла, – хмыкнул Нос. – Теперь тебе долго с бабами не кувыркаться.

* * *

Лола слушала радио, сидя в машине и дожидаясь, пока будет прилично подняться в квартиру Саша. Марк Болан и его *Hot Love* – безупречно. Под эту музыку Ингрид устраивала сумасшедшее шоу. Посетители клуба “Калипсо” на площади Пигаль распевали припев во весь голос.

Она увидела, как четверо мужчин вышли из дома.

Саша. Арди. Саша держал руки за спиной.

Она вышла из машины:

– Капитан!

– Мадам Жост, что вы здесь делаете?

Она решила, что лучше не показывать тревоги, поскольку Саша выглядел так, словно во всем признался.

– Ничего. Майор Дюген – мой друг.

– Лично я нечасто заваливаюсь к друзьям спозаранку, – ухмыльнулся здоровенный страшила, нос которому, судя по всему, прищепили вафельницей.

Лола схватила Арди за рукав:

– Я вправе требовать объяснений. Вы меня несколько часов допрашивали, я с вами была откровенна...

Арди сделал знак своим подручным грузить Саша в машину, дверца за ними захлопнулась.

– Мадам Жост, он не тот человек, за которого себя выдает. Он манипулировал всеми, кто его окружает. И вами в том числе. Он нашел Марса в Африке.

– Он клянется, что не нашел. Я ему верю.

– Пуля, убившая Марса, была выпущена из служебного револьвера Саша Дюгена.

Невозможно, Арди блефует, у него ничего нет.

Он подвел ее к скамейке, усадил:

– Хотите воды?

Хорошо хоть воды ему для нее не жалко. Она пристально посмотрела на него. Он сиял, как именинник. А вот ее это открытие словно булыжником по голове ударило. Тяжелым булыжником.

– Вы знали результат экспертизы, Арди.

– Простите, что?

– Когда вы меня допрашивали, вы уже знали результат баллистической экспертизы.

Она вспомнила их разговор с патологоанатомом Тома Франклином. *Странно, что результаты еще не у него.* На самом деле Арди получил заключение экспертов, прежде чем отправиться к ней. Он знал, что орудие убийства – револьвер Саша. И хотел как можно скорее пополнить материалы дела.

Чтобы у Саша не было времени попросить у меня помощи, сообразила она. Потому что у него не осталось никого, кроме меня.

Коллеги не захотят марать свою репутацию из-за Саша, тем более что о нем ходят разные слухи. А мои показания записаны черным по белому в протоколе ГИС. И нельзя ничего придумать, чтобы его оттуда изъять.

– Браво, мадам, вы по-прежнему на высоте, как и ваша репутация. Но напрасно вы беспокоитесь. Особенно из-за этого типа, он того не стоит.

У машины тонированные стекла. Она не видела лица Саша. Она вообще уже ничего не видела.

Марс, из-за тебя нас всех разметала буря.

– Ни во что больше не вмешивайтесь. Вам ясно?

И он ушел, а она осталась сидеть на скамейке. Неприметная машина скрылась в конце улицы.

Она с трудом уселась в “твинго”, машинально повернула ключ зажигания. Заговорило радио, и она дрожащей рукой выключила двигатель. Она не знала, куда ей ехать.

Арди, грязный тип, действующий исподтишка, не мог сотворить иную реальность.

Револьвер действительно принадлежал Саша.

Она вспомнила, как он едва сдерживал гнев, перед тем как отправиться в Африку. Он был оскорблен, а его честь уязвлена.

Жена Грасьена сидела в камере предварительного заключения, он отвечал за нее, она погибла. Виновником был Марс, но все осуждали Саша. Осуждали молча. Коллеги считали, что он несколько месяцев работал под руководством опасного безумца, не замечая того, что происходит. Для майора уголовного розыска – непростительная ошибка.

Она злилась на себя за то, что пошла на поводу у Арди. Но работать в полиции – как ездить на велосипеде: раз научившись, уже не разучишься. Все сошлось. Саша, скорее всего, был там в момент преступления. Его оружие. И мотивация. Она подпитывала его талант. И толкнула на скользкий, смертельно опасный путь.

И ярость. Я выслеживаю тебя не для того, чтобы выстрелить в спину. Наоборот, мы будем лицом к лицу, ты – лежать на земле, я – смотреть на тебя сверху, наслаждаясь твоим страхом. Дневники – чепуха, мне нужен ты.

Глядя в глаза.

Саша – один из самых одаренных сыщиков, которых она знала. Один из самых непредсказуемых.

Что же ты наделал, дружище?..

Из глаз у нее покатались слезы, и она принялась утирать их рукавом.

Ингрид больше не приедет из своей Америки. И у меня только что отняли Саша.

Что-то застучало по крыше машины. Град. Раскаты грома возвестили о конце света и о том, что дела совсем плохи.

Дождь с градом. Небеса подсказали ей одну идею. Когда все ужасно, есть только два выхода. Все бросить или ускориться.

Ее телефон лежал на заднем сиденье. Только один человек ценил ее так, что сделал бы для нее все, не ставя никаких условий. Она позвонила капитану Жерому Бартельми.

Глава 10

17 января, четверг

Было пять часов утра. Ночь она провела как в лихорадке, снилось что-то скверное. Упаковка парацетамола опустела, тело предупреждало об опасности, только она не понимала, о какой. Она четвертый раз набрала тот же номер.

Наконец он снял трубку. И услышала его голос, а точнее шепот:

– Алло! Лола?

– Саша, ты должен мне все объяснить.

Тишина, потом дыхание. А чего он ждал? У него было совсем мало времени...

– Я солгал.

Лола сжала кулак.

– На самом деле я нашел Марса в Абиджане. Он рассчитывал использовать дневники Грасьена.

– Против кого?

– Он не захотел мне говорить.

– Не было никакого смысла...

– Был. Чтобы меня защитить. Лола, я его не убивал. Мой “смит-вессон” оставался в Париже.

– Дверь твоей квартиры была взломана?

– Нет.

– За тобой все время следили, и в Африке тоже...

– Вероятнее всего.

Если у кого-то и были шансы найти Марса, так это у тебя, Саша. Лола услышала голоса. Сердце у нее ушло в пятки.

– Жозеф Берлен. Лола, вам нужно...

Связь прервалась. Лола обхватила голову руками. Она посидела так минуту, потом заставила себя успокоиться. Слишком короткий разговор, но все же лучше, чем ничего. Бартельми постарался на славу. Ему удалось проникнуть в ГИС и передать Саша мобильник.

Зазвонил ее телефон. Бартельми.

– Алло, шеф? Поговорили?

– Саша твердит, что это не он.

– Никогда в этом не сомневался. Вы умеете выбирать друзей.

– Он думает, что за ним следили. Марс снова хотел пустить в ход записные книжки.

– И за это его убили?

– Возможно. Как там Саша?

– Усталый, но настрой боевой. Правда, я видел его всего пару секунд, прежде чем смыться. Он рассчитывает, что вы поможете ему выпутаться.

Тяжкая ответственность. Она слышала голос Франклина, судебного медика в костюме потрошителя. *Какая же ты смешная, Лола! Хочешь в одиночку бодаться с ГИС, как большая?*

– Вообще-то я считаю, что он эгоист.

– Вот как?

– Те люди, что убили Марса, – бандиты, но бандиты ушлые. А вам столько лет, сколько есть. Извините, но это правда.

– Жером, у меня нет ни малейшего желания в ближайшее время встретиться с Марсом в полицейском раю. Больше без оружия из дому не выйду.

– Лучше бы вообще не выходили.

- Старая – не значит вышедшая в тираж, понял?
- Вероятно, но ведь...
- Жозеф Берлен. Тебе это имя что-то говорит?
- Нет...
- Можешь поискать, что его связывает с Марсом?
- Попробую что-нибудь узнать.
- Спасибо.
- Вы не сдаётесь, но сами толком не знаете, что делать. Так ведь, шеф?
- Ты прав. Разве что нанять ему хорошего адвоката...

От этой истории с револьвером скверно пахло. Саша клялся, что оставил “смит-вессон” в Париже, однако Марса застрелили именно из него. Саша нашел Марса в Африке. Продолжая врать ГИС, он может окончательно увязнуть. Арди найдет свидетелей и уличит его в даче ложных показаний.

- Мне нужно подумать, Жером. Будем на связи.
- Если нападет хандра, вы знаете, где меня искать.

Он сильно рисковал ради нее. Бартельми светит приличная карьера, не нужно, чтобы проблемы Саша и ему тоже испортили жизнь.

Она положила трубку и сварила себе крепкий кофе. Саша пришел к тем же выводам, что и она. Кто-то хочет повесить на него убийство Марса, и до сегодняшнего дня это получалось блестяще. Саша остался один. До такой степени, что рассчитывать может только на побитую жизнью тетку, когда-то служившую в полиции. *Вам столько лет, сколько есть, шеф.*

Да, ей действительно не мешало бы подумать.

Жозеф Берлен.

Она могла подождать прихода Бартельми. Нет, не могла. Ожидание контрпродуктивно. Нельзя сбиваться с ритма.

В интернете она нашла тысячу ссылок на Йозефа Берлинга, футболиста шведского происхождения, за которого боролись лучшие клубы планеты. Она подумала, что коллеги Саша смогут ей что-то сообщить. Почти никого не осталось, разве что Клеманти. Комиссар уголовного розыска, человек деятельный и неболтливый. К тому же дружил с Арно Марсом. Но можно ли ему доверять?

Глава 11

Лола уже собиралась выходить, когда зазвонил телефон. Поколебавшись, она вернулась. Проявив чудеса дипломатии, она убедила секретаря на набережной Орфевр устроить ей встречу с Сержем Клеманти. “Приезжайте пораньше, может, он и согласится вас принять до того, как уедет по делам”.

Она сняла трубку. Это был Арман Бьянко.

– Лола, у тебя компьютер включен?

– Нет.

– Загляни в почту. Сейчас же.

Он прислал ей видео. Два журналиста, знаменитости девяностых, брали интервью у президента Бореля. Улыбчивый, излучающий одновременно спокойствие и силу, он объяснял, что одинаково любит и Иоганна Себастьяна Баха, и французскую молодежную музыку.

– И?..

– Среди публики в первом ряду маленький взъерошенный мужичок в зеленом шарфе размером с полковое знамя. Он в круглых очках и похож на сову.

– Кто это?

– Жильдас Сенешаль. По виду мятый и обтерханный, но он гений.

– Не знаю я этого гения.

– Вся деятельность Сенешаля была сосредоточена в кулуарах власти. Повторное избрание Бореля – его рук дело.

– Я думала, что Борелю помог Грасьен с его дневниками.

– Грасьен, конечно, стал последней пулей, прикончившей Кандишара. Но даже без него Борель одержал бы победу. Досмотри ролик до конца.

Она понаблюдала, как президент очаровывает двух телегеничных звезд, а заодно и несколько миллионов избирателей.

– Видишь, что происходит, Лола?

– Не вижу.

– Борель ведь не красавец. И говорит он так себе, правда?

– Бьянко, я тебя очень люблю, но у меня назначена встреча...

– Сенешаль – король обновлений. Борель слегка пообтрепался за первые семь лет у власти, закоснел по причине крайней осмотрительности, а точнее – консерватизма. Сенешель превратил его в старого мудреца, терпеливого, строгого, властного, но прислушивающегося к мнению молодежи. Борель тайне любил народ, Сенешаль заставил его сказать об этом. Бореля считали необразованным, Сенешаль помог ему преодолеть природную сдержанность и раскрыть перед публикой свои впечатляющие познания в музыке и театре. Можешь поверить, я всегда восхищался этим парнем. До него журналисты просили главу государства дать интервью. При нем расклад поменялся. Теперь президент приглашает, назначает место, выбирает собеседников и даже обстановку, в которой его выступление произведет наиболее сильное впечатление. Сенешаль привлек лучшего киношного специалиста, чтобы тот правильно выставил свет и лицо президента выглядело величественным. Он полагал – и на тот момент был, безусловно, прав, – что телевидение – уникальный канал информации, и даже оборудовал в Елисейском дворце суперсовременную студию. Он ничего не оставлял на волю случая...

Бьянко добавил, что этот могущественный политтехнолог тратил невероятные деньги на опросы общественного мнения. Он сам сидел у экрана и наблюдал, как люди из фокус-групп один за другим отвечают на составленные учеными вопросы.

– Он постоянно держал руку на пульсе Франции. Только имея на руках цифры, он давал советы президенту. Он большой педант, этот Сенешаль.

Лоле хотелось поторопить Бьянко, чтобы он наконец перешел к сути дела. Клеманти ждать не будет.

– И все это сводится к тому...

– Что Сенешаль был другом Марса.

– Другом или просто знакомым?

– Другом. Я вспомнил, что часто встречал их там, куда обычно приходят поесть политики. Они вели весьма оживленные беседы за вкусной едой и отличным вином. Это что-нибудь да значит: Жильдас Сенешаль не из тех, кто тратит время даром. Не знаю, пригодится ли тебе эта информация.

– И я пока тоже.

– Извини, но это все, что у меня есть.

Она поблагодарила его, повесила трубку, надела мокасины, которые делали фигуру более приземистой, зато позволяли быстрее перемещаться. В метро было полно народу, вагоны дышали утренним стрессом. Она думала о том, что могло связывать президентского советника и дивизионного комиссара. Много лет Марс служил в посольствах, и вполне естественно, что он был связан с политической сферой. Все знали, что в его записной книжке множество потрясающих воображение имен.

Поезд несколько минут простоял “по техническим причинам”. Она проклинала себя за то, что ответила на звонок Бьянко.

Лола опаздывала на десять минут. Она попыталась перейти на спринтерский бег, но сердце и ноги отказали ей в этом наотрез.

Сена сердито облизывала набережную Орфевр. Пропускной пункт. Вялый дежурный. Нервно грызя удила, Лола сунула ему под нос документы, ринулась вперед по коридору, вскарабкалась по выдавшей виды лестнице, покрытой потертым линолеумом и, вся в поту, ввалилась в штаб-квартиру уголовной полиции. Какой-то паренек сообщил ей, что комиссар со своими людьми только что спустился на парковку. Она еле сдержалась, чтобы не выругаться, скатилась по лестнице и выскочила на парковку. Легкие мучительно трепыхались в груди, как больные тюлени.

Клеманти склонился над картой, расстеленной на капоте “рено” без регистрационных номеров. Он поднял голову и приветливо улыбнулся Лоле. Они отошли в сторону. Очевидно, он не хотел, чтобы подчиненные слышали их разговор.

– Серж, мне нужна информация. Чтобы помочь Саша. Так что сразу скажите мне, правильно ли я сделала, обратившись к вам.

Серые глаза слегка потемнели: она задела его.

– То есть вы полагаете, что я обо всем информирую ГИС?

– И в мыслях такого не было.

– Он мог убить Марса. И револьвер его. Однако моя позиция проста, как гражданский кодекс. Человек считается невиновным, пока не доказано обратное.

– Отлично!

Она рассказала ему, что сообщил ей Саша.

– Он утверждает, что оставил оружие в Париже. А кто-то им воспользовался.

Судя по его лицу, он ни на секунду не поверил в такую сложную комбинацию, но это ее не смутило.

– Саша клянется, что не убивал Марса. Я ему верю. Мне хотелось бы знать, где он хранил свое оружие, когда не брал с собой. В своем служебном кабинете?

– Он часто оставлял револьвер в ящике стола, пока один подозреваемый его не взломал. Едва не случилось убийство. С тех пор он держал оружие при себе в кобуре или хранил дома, когда в нем не было нужды.

– Значит, перед отъездом в Африку он оставил револьвер у себя в квартире на улице Пти-Мюск.

– Не исключено. Но как бы там ни было, Марса застрелили именно из него.

– Кто-то мог отправиться с ним в путешествие в Африку и обратно.

– Возможно, но я ничего не слышал о взломе жилища Дюгена. Кстати, сотрудники ГИС нашли револьвер у него дома во время обыска сразу после ареста.

Лола не могла скрыть разочарования. Она предполагала, что табельное оружие хранится у Саша на службе, в рабочем кабинете, и его легко может “позаимствовать” любой. Клеманти свел к нулю такую вероятность.

– Вы знаете, как он добрался до Африки?

– Чтобы остаться незамеченным, лучше всего сесть на корабль, но он полетел на самолете.

– Он сам вам сказал?

– Нет, я слышал его бурный разговор с новым дивизионным комиссаром. Наше начальство до сих пор в ярости от того, что Саша забросил текущие дела и махнул в Африку, пусть даже во время летнего отпуска. После случившегося я припомнил, что видел у него на столе бумажку – распечатанный электронный билет. До Киншасы. Я следил за ним. Из-за дела Марса он был на взводе. Я боялся, что он совершит непоправимую ошибку.

Она поняла, о чем он подумал: ошибку вроде той, которую он, возможно, совершил.

– Вы сказали Арди об электронном билете?

– Да, не было причин что-то утаивать. После возвращения Саша не скрывал, что ездил искать Марса.

Она спросила его о Жозефе Берлене.

– Он тоже был предан Марсу.

– Был?

– Последний раз, когда его видел, он разговаривал с дивизионным комиссаром не слишком любезно.

– Он полицейский?

– Нет, служил в УВР, сейчас на пенсии. Канцелярская крыса или вроде того.

Управление внутренней разведки⁶. Для полного счастья ей только тайных агентов не хватало.

– Саша назвал его имя. Это важно.

– Лола, я больше ничего не знаю.

– Вы можете связать меня с Берленом?

– Извините, нет.

– Почему?

– Этот тип был в двух шагах от паранойи, может, теперь уже до нее дошел. Я не хочу иметь с ним никаких дел.

Он повернулся к подчиненным. Они явно выражали нетерпение.

– Откровенно говоря, Лола, вам следовало бы довериться правосудию.

– Вы знаете Арди.

– Арди – всего лишь винтик в механизме. Правосудие независимо. Не отчаивайтесь.

⁶ Центральное управление внутренней разведки (*Direction centrale du renseignement intérieur*) в 2014 г. было переименовано в Главное управление внутренней безопасности (*Direction générale de la sécurité intérieure*).

Она смотрела ему вслед. Опытный и честный офицер. Однако, несмотря на все свои достоинства, он уже не сомневается в виновности Саша.

Они распрощались, Лола добрела до Шатле, вошла в первое попавшееся кафе и заказала бокал белого вина. Неприлично рано, ну и пусть: пенсия вреднее для здоровья, чем вино. Как это ни странно, поведение Клеманти только подстегнуло ее. Стало понятно, что Саша и вправду в ней нуждается. Поддержка, которую мог предложить ему Большой дом, была слишком ненадежной, а если точнее, то никакой.

Зазвонил мобильник. Бартельми.

– Алло, шеф?

– Что нового?

– Жозеф Берлен, УВР.

– Знаю, я говорила с Клеманти.

– Вы вездесущи. Осторожнее, а то как бы движок не перегрелся.

– Сердце у меня в полном порядке.

– Я раздобыл адрес Берлена. И телефон.

Она записала. Друг Марса проживал в 15-м округе.

– Он некоторое время работал под руководством одной легендарной личности.

– Какой?

– Одного мужика с блестящей интуицией – так о нем говорят. Который всегда приводил свой замысел в исполнение. В общем, такой же, как вы...

– Давай отложим лесть на потом, мой мальчик. Коротко и сжато, ладно?

– Шефа Берлена звали Ян Ренье. Ренье – как бывший князь Монако времен Грейс Келли, это просто запомнить...

Пояснения Бартельми были не лишены остроумия, оставалось только дожить до тех пор, пока он перейдет к сути. Она запаслась терпением.

– ...Этот Ренье специализировался на исламском терроризме, в частности на мелких группах в африканской зоне. И я сразу сообразил, что этот тайный агент мог быть как-то связан с Марсом, поскольку дивизионный комиссар прежде трудился начальником службы безопасности в нескольких наших посольствах в Африке.

– Интересное замечание. А дальше?

– Но вот незадача: Ян Ренье больше не у дел.

– Тоже на пенсии, так?

– Нет, у него случился инсульт, и он окончательно вышел из строя. Овощ, как сказал мой источник. По меньшей мере уже лет десять.

– Ладно, спасибо, на данный момент это, как я поняла, все о Берлене и его легендарном овоще. Скажи, у тебя есть выход на Руасси – Шарль-де-Голль?

– Я немного знаком с одним лейтенантом, который работает под началом тамошнего комиссара.

– Можешь оказать мне услугу?

– Шеф, это лишний вопрос.

Глава 12

Над Сеной образовался лучистый просвет, и к ней вернулся оптимизм. Она позвонила Жозефу Берлену, объяснила, что она друг Саша Дюгена и собирает информацию по делу Марса.

– В качестве кого, мадам?

Красивый спокойный голос.

– Давайте встретимся и поговорим. Думаю, немного времени у вас найдется. Вы ведь на пенсии, правда? Я тоже. Уволилась из полиции.

– Значит, вы в курсе всего.

Лола подумала, что сейчас он бросит трубку.

– Алло! Месье Берлен!

– Я вас слушаю. Если у вас есть мой номер телефона, значит, вы знаете и мой адрес.

– Да.

– У меня через час.

Он дал ей номер дверного кода и бросил трубку.

Своеобразный тип. Лола отпила глоток вина и улыбнулась. Совсем как в добрые старые времена, когда дело скрашивало скучные будни. Ее раздумья прервал сигнал мобильного, и она ответила, не посмотрев, кто звонит. Услышав знакомый голос, она расплылась в улыбке.

– *What the fuck!* Почему ты мне не сообщила?

– Да, разумеется, Ингрид, и тебе добрый день. В Лас-Вегасе хорошая погода?

– Здесь ночь, Лола.

– Ах да, наверное.

– Саша арестован, и это все, что ты находишь говорить?

Ингрид и ее французский. История неодолимой, но трудной любви.

– И это все, что я нахожу говорить, да. Кто тебе сообщил?

– Бартельми. Он про тебя беспокоится. Ты одна нападаешь на полицейских над полицейскими. *It's totally crazy*⁷.

– В настоящий момент я ни на кого не нападаю, я думаю.

– Это похоже, Лола. Рассказывай.

– Я думала, Бартельми уже наябедничал...

– Твои слова более понятливы, чем его.

Лола начала подробный рассказ. Он регулярно прерывался грязными ругательствами на классическом английском. Ингрид, энергичная, с ангельским личиком и лексиконом ломового извозчика шекспировских времен.

В отдалении гремела музыка, слышались голоса. Какой-то мужчина что-то вещал в микрофон. Видимо, Ингрид звонила между двумя номерами френч-канкана а-ля Лас-Вегас.

– Это судебная ошибка!

– Судебная, дорогая.

– Лола, ты не можешь заниматься этим одна.

– Ты не первая, кто мне об этом толкует, но выбора у меня нет.

– С одной стороны – никто, только ты, с другой – пирамида идиотов.

– Не беспокойся за меня, для этого нет причин.

– Сходи к комиссару Клеманти, он проведет свое обследование.

– Серж Клеманти никакое расследование вести не будет. Хочу тебе напомнить, у него у самого много работы. К тому же он сомневается в невиновности Саша.

⁷ Это полное безумие (англ.).

– *Really?*

– Да. Это правда.

– *I see...*⁸

Ингрид не хуже Лолы знала, какой серьезный человек Клеманти, и начала понимать масштаб проблемы.

– Придется закончить разговор, Лола, шоу сейчас начнется. Но обещай мне...

– Что?

– Не делай ничего опасного, когда кинешься...

– Я пока из ума не выжила.

– Какой изюм, что выжала?

– Так, ничего. Не бери в голову.

– У вас ведь нет *Death penalty*.

– Что ты такое говоришь? Какая еще смертная казнь?

– Я говорю, что твоя Французская Республика не станет истреблять Саша. У тебя достаточно времени доказать, что он неответственный.

– Ты хочешь сказать – невиновный?

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать.

– Тут ты не права. В расследовании главное – ритм. Совсем как в твоих танцевальных номерах.

– Лола, ты правда хорошо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя гораздо лучше, чем когда сижу дома в халате и подыхаю со скуки.

Пока ты меня не перебила, я говорила о ритме. Что-то вот-вот произойдет, я это чувствую. Не время раскисать.

– *Lola, come on!*⁹

– Каждый на своем берегу Атлантики занимается тем, что ему нравится. Я же не вмешиваюсь в твою жизнь в компании подружек-жирафов!

– Каких жирафов?

– Поцелуй за меня Лас-Вегас.

Пора было положить трубку, прервав возмущенные вопли Ингрид. Еще одно разочарование. Люди меняются, и не в лучшую сторону. В прежние времена ее американская подруга горы свернула бы ради Саша и ради истины.

Лола сообразила, что забыла рассказать Ингрид о видео, снятом на бульваре Сен-Мишель. Она пошлет ей имейл, когда будет время. Она сделала последний глоток вина и стала изучать схему метро.

⁸ Правда? ... Я поняла (англ.).

⁹ Лола, опомнись! (англ.)

Глава 13

В доме на улице Коммерс на первом этаже располагалась автомастерская, а под ней – многоуровневая парковка. Жозеф Берлен жил на четвертом этаже в квартире 34. Лифт не работал. Лола сопела, как буйвол-астматик, поднимаясь по лестнице, благоухающей выхлопными газами.

Она несколько раз безрезультатно позвонила в дверь. Посмотрела, сколько времени, набрала номер мобильного телефона Берлена, услышала сигналы за дверью, затем краткое приветствие на автоответчике: “Берлен. Слушаю”.

От выпитого на площади Шатле белого вина ей сделалось хорошо и легко, и она почти с удовольствием стала ждать прихода экс-шпиона. Впрочем, имеет ли смысл выражение “экс-шпион”? Она, например, экс-комиссар полиции, который никак не может завязать, а значит, останется полицейским до конца жизни. Ей было плевать на всю эту кучу официальных документов, на кабинет, канцелярские скрепки, ксерокс, вечеринки в честь новых сотрудников и в честь уходящих на пенсию. Оставалось ощущение, сильное ощущение – оно никуда не делось. Ее размышления через равные промежутки времени прерывал отдаленный грохот отбойного молотка. Париж – город, который крутится безостановочно.

Спустя полчаса она убедилась в очевидном: Жозефа Берлена что-то задержало. Или же он неотесанный хам. Лола черкнула несколько слов в записной книжке, прося его с ней связаться, подсунула листок под дверь и заметила, что она не заперта. Лола вошла в однокомнатную квартиру со стенами горчичного цвета, просто обставленную и чисто прибранную. В ней царил идеальный порядок. Свет горел, шторы были отдернуты, на письменном столе лежала стопка газет, компьютер работал. На проигрывателе четыре диска. Бетховен. Она вставила один из них в дисковод. “Аппассионата” в исполнении Артура Шнабеля.

Ее снова атаковала лихорадка. Аспирин в аптечном шкафчике, откупоренная бутылка совињона в холодильнике. Она налила немного вина, проглотила две таблетки. Насладились печальной мощью Бетховена, потом решила осмотреть квартиру.

Улов оказался скудным. Ни одной бумажки с упоминанием Марса, Дюгена или чего-то, связанного с профессиональной деятельностью в УВР или в другом месте. Она узнала, что Берлен – маньяк, который не только назначает встречу и не приходит, но еще и гладит трусы и носки. И моет холодильник уксусом.

Веселье явно затянулось. Лола вышла, хлопнув дверью.

Когда спускалась по лестнице, у нее зазвонил мобильник. Она услышала недовольный голос Бартельми. В общем, коллега из аэропорта не захотел ничего ему говорить и заявил, что Лоле лучше приехать самой.

– Уж извините, шеф.

Прохожие на улице шли задрав голову и радуясь, как дети. В Париже шел снег. Густой, крупными хлопьями.

В метро она умирала от духоты: совињон вытворял у нее в желудке что-то несусветное. Она думала о Яне Ренье, человеке с княжеским именем, которого подкосил инсульт. Не пора ли ей сходить к врачу?

Мир изменился. Ступени ее станции метро скрылись под толстым белым покровом. За снежной завесой едва виднелись очертания ворот Сен-Дени.

Замок был взломан. Ядовитый цветок паники уже готов был раскрыться. Она сглотнула слюну и взяла себя в руки. В квартире все было вверх дном. Она подумала о своем старом “манурине”, лежавшем в ящике комода, медленно вошла в гостиную. Пусто, ужасно холодно. Окно настежь. Она бросилась вперед, обшарила ящик.

– Ты не это ищешь?

Голос за спиной. Неотвратимость. Она повернулась, успела его рассмотреть. Резкие черты, глаза как у хаски, короткие светлые с проседью волосы, не скрывающие оттопыренное правое ухо. На нем было плотное темно-синее, наглухо застегнутое пальто. А в руке – ее “манурин”.

Жозеф Берлен. Для человека с лицом убийцы исполнено весьма изящно.

Они неподвижно стояли в промерзшей гостиной, уставившись друг на друга, словно две фарфоровые собачки. Она повернула голову к светлomu пятну, которое виднелось там, где его не должно было быть. На ее пазле стоял открытый ноутбук.

– Мой третий глаз, – пояснил он.

У него изо рта шел пар. Ветер грубо хлопал оконными створками. Он повернул к ней экран, нажал несколько клавиш. Лола увидела, как она роется в квартире на улице Коммерс.

– Мне надо было узнать, с кем вы имеете дело.

– Не похоже, что ты на пенсии.

– Такой же комплимент можно сделать и вам.

Она пожалела, что захлопнула дверь его квартиры. Надо было не закрывать, пусть бы какие-нибудь случайные воришки его обчистили.

Он сел в вольтеровское кресло, положил ногу на ногу. Взгляд его ничего не выражал, тело было расслаблено, но пушку он держал крепко. Он с самого начала целил ей в голову. *Этот тип был в двух шагах от паранойи, может, теперь уже до нее дошел. Я не хочу иметь с ним никаких дел.* Примерно так сказал Клеманти – и оказался прав. А тут еще кишечник разбуянился. Ему не понравилось вино, а может, странные манеры гостя.

– Что вы хотите знать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.